

14 09 08

Бондарчук и Федор

18

№65
(1943)

14
апреля
2006

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

«Нам кричали: «Москвичи, вешайтесь!»

Окончание. Начало на стр. 1

Эти три типа высказываний мне понравились. Не понравилось все, что написано из зависти...

— **Вы так думаете?**

— Конечно. Чужой успех всегда вызывает зависть, и кому-то хочется его принизить. И начинается чушь про задалбливание рекламой, про то, что «9 рота» только что через унитаз не впахивали... Или они врут, или в самом деле понятия не имеют, как в кино работают реклама и маркетинг. Не знают, что от билбордов и трейлеров зависит успех только первого уик-энда, а дальше хоть ты тресни — все определяется «сарафанным радио», непосредственным впечатлением, которое передается от одного к другому. И если это впечатление негативное, то во вторые выходные сборы резко падают. А про «9 роту» что говорили? «Кино замечательное, обязательно сходи» или «кино дерьмовое, но посмотреть надо». Меня, как вы понимаете, устраивает и то, и другое. А еще звонят мне из одного издания и говорят: «Мы вас поздравляем: согласно опросу наших читателей, «9 рота» — лучший фильм 2005 года». Я говорю: «И-ес!!!». «Не вешайте трубку, это еще не все. Согласно опросу наших читателей, «9 рота» — худший фильм 2005 года». И-ес! Вот это здорово! А когда пишут или думают, за что этому мажору на черном «мерсе», гоняющему из бутика в бутик, сразу и «Золотой орел», и «Ника» — это все не по делу. Да, я обеспеченный человек, и что мне с этим делать? Сжечь свою машину и переселиться в коммуналку? А если бы мне предложили выбрать между всеми премиями, которые получила «9 рота», и результатами проката, я бы выбрал прокат.

— **Вы ожидали, что будет такой успех?**

— Нет. Это же не просто «стрелялка», а военная драма, причем вполне серьезная, и я не был уверен, что зрители захотят напрягаться.

— **Показалось, что вы были достаточно сдержанны и не старались бить по нервам всякими ужасами...**

— Да, я не большой поклонник кишок и фонтанов крови. Можно было сделать жестче, но зачем? Все и так знают, как бывало на этой войне. И звезды выжигали, и душу выбивали... Да что там на войне, я отлично помню, как мы, призывники, прилетели в Красноярск, а там на красно-белой радиотрансляционной вышке покойник висит — какой-то москвич не выдержал и повесился. Нас погнали в баню, мы шли, били тазиками по коленкам, а нам кричали: «Москвичи, вешайтесь!».

— **Вы пришли в большое кино одновременно с другими «призывниками», тоже детьми очень известных родителей — младшим Янковским, младшим Германом, младшим Хржановским... Вы считаете себя частью этого поколения?**

— Да, пожалуй... Хотя мне не очень нравится слово «часть». Я сам по себе. А если поколение — это пирамида, то я, пусть это прозвучит нескромно и амбициозно, хотел бы быть наверху этой пирамиды. Так я себя ощущаю или, как сейчас говорят, позиционирую.

— **Когда я вас впервые увидел, то подумал: крутой вид у этого парня. Будто сейчас врежет ногой с разворота. Прямо как Чак Норрис.**

— (Хохочет) И это правда!

— **А откуда эта поза? Ждете удара?**

— Мне жутко обидно, когда кого-то обижают. Не за себя, за ребят — они так болезненно, даже параноидально на все реагируют... Вот Гошу Куценко недавно упростили сняться в одном фильме почти за бесплатно и еще придумать себе роль. А потом режиссер сказал, что Гоша к нему напросился для саморекламы, чтобы его лицо светилось на всех плакатах. Больно мне это слушать.

— **«Артиста всякий обидеть может»?**

— К сожалению. Вот Тигран Кеосаян — такой фантастически мнительный человек: если можно себе придумать стенокардию, то он ее придумает. Да и положение у артистов бывает такое, что не позавидуешь. Пару лет назад позвал меня Михаил Ефремов во МХАТ репетировать пьесу Вани Охлобыстина, и у меня просто дух перехватило, когда я увидел, как в перерывах мхатовские актеры едят что-то чудовищное, какие-то пакетики с киселем... А теперь другое — все вдруг вошли в большую индустрию, и артистов стали использовать телевизионные кланы, использо-

Федор Бондарчук:
«Теперь у меня
на первом месте семья».

вать и выбрасывать, да еще ставить им в бумажках «черные метки», чтобы никто их больше не приглашал. Я могу об этом говорить, потому что защищен, но ведь не все так могут. Вот вы меня спросили о поколении и назвали известные имена, а у меня целый круг товарищей, из которых многие не пробились, а многие и не выжили в смутное время. Это же мы испытали на себе первые наркотики и первую безработицу... Да если подумать, весь этот послесоветский период был сплошным испытанием для нашего поколения...

— **И теперь вы готовы защищать профессиональные интересы своего цеха?**

— Для этого надо уйти в большую общественную деятельность, а меня, пока я в тунусе, больше волнуют мои собственные большие проекты. Хочется поднять неподъемное.

— **Потому вы и занялись за экранизацию «Обитаемого острова» братьев Стругацких? Думаете, что этот роман, написанный в советские годы с определенным прицелом, сохранил актуальность?**

— Я понимаю, о чем вы. Да, в романе герой мотивирован тем, что попал в темное прошлое из светлого коммунистического будущего и хотел ускорить прогресс. Эта мотивация отпала, и нам надо найти другую — почему этот парень хочет изменить мир? Что ж, попытаемся ответить.

— **А ведь классная выходит параллель, если учесть, что Герман-старший снимает по Стругацким «Трудно быть богом» — по сути, про то же самое.**

— Знаете, вы первый, кто это замечает. Действительно, много общего. И там, и там человеку говорят: не мешай нам жить так, как мы живем, не надо ничего менять, чтобы хуже не стало... Ну что же, это будет интересное сопоставление!

— **И вас не пугает перспектива сравнения с таким мощным режиссером, как Герман?**

— Скорее взбадривает. Я с нетерпением жду, когда он закончит картину, и надеюсь,

что он закончит ее раньше, чем я. Я дико боюсь другого — испытания вторым фильмом. Если облажаюсь, все скажут: «А мы с самого начала говорили, что этот Бондарь — мыльный пузырь, надутый рекламой!» Но, наверное, в таком состоянии и надо снимать. Нелзя расслабляться. Или пан, или пропал.

— **Есть такая вещь, как тень отца за спиной. Что она для вас — помощь или помеха?**

— Глупо не признавать, что на детях висит известность родителей. Чем крупнее отец в профессиональном смысле, тем сложнее сыну. Можно говорить, что тебя не мучат амбиции, что ты не хочешь получить «Оскар», но я не буду, потому что я хочу получить «Оскар» и не хочу этого скрывать. И я взял на себя смелость посвятить «9 роту» отцу. Потому что сделал все, чтобы снять эту картину. Мне потребовалось для этого шесть лет, я не мог найти денег. Я отказался от того, чтобы снимать «Своих», хотя мне дико нравился сценарий, и этот фильм снял, как вы знаете, Дмитрий Месхиев — причем по-джентльменски мне позвонил и спросил, действительно ли я отказался. Так вот, я верующий человек и думаю, что это отец с помощью Господа так упорствовал, чтобы я сделал «9 роту».

— **Когда я беседовал с вашим отцом незадолго до его смерти, мне показалось, что он трагически настроен. Вы это тоже чувствовали?**

— Да, хотя он был человек сильный и виду не подавал. Если бы со мной случился Пятый съезд кинематографистов, я бы, наверное, тоже виду не подал. Ни перед детьми, ни перед женой. Но внутри бы умер. Ну и, конечно, подкосила отца эпопея со съемками «Тихого Дона». В семьдесят с лишним лет поднимать такой проект — не в сорок...

— **А ведь тот двадцатилетней давности съезд избавил кинематограф от крепостной зависимости...**

— Я это понимаю. Сам съезд пошел так, как пошел, под воздействием перемен в об-

СПРАВКА

Федор БОНДАРЧУК — клипмейкер, кинорежиссер. Родился 9 мая 1967 года в Москве, в семье режиссера Сергея Федоровича Бондарчука и актрисы Ирины Константиновны Скобцевой. В 1991 году окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерские Игоря Таланкина и Юрия Озерова). В том же году со Степаном Михалковым основал студию Art Pictures Group. Снимал рекламу и музыкальные клипы. В 1993-м снял картину «Люблю» — бенефис Людмилы Гурченко. В кино впервые снялся еще у отца в фильме «Борис Годунов» (1986) в роли царевича Димитрия. В качестве актера на его счету около двадцати киноработ, среди них — «Сталинград» (1989), «Арбитр» (1992), «Бесы» (1992), «Стреляющие ангелы» (1993), «Кризис среднего возраста» (1998), «Восемь с половиной долларов» (1999), «Даун Хаус» (2001). В 2004 году снял свой дебютный полнометражный фильм «9 рота». Лауреат премии «ТЭФИ-2003».

ществе. Но для отца это было оскорбительно. Не только как для режиссера, а и как для человека. Там же словно черти плясали.

— **Вы почти повторяете слова Никиты Сергеевича Михалкова, сказанные после другого съезда, на котором ему изрядно досталось...**

— А между тем и этим съездом есть нечто общее. Желание толпы скинуть человека с пьедестала и потоптать. А Никита Сергеевич, за что я ему навек признателен и всегда готов подставить плечо, в 1986 году был единственным, кто защищал отца. Помните, что он сказал?

— **Что это ребячество — не избрать на съезд человека, который снял «Судьбу человека» и «Войну и мир».**

— Слава богу, что многим из тех людей, которые на съезде бушевали против «кинематографических генералов», хватило порядочности извиниться перед отцом еще при его жизни.

— **К сожалению, Сергея Федоровича уже не спросить его мнения о вашем фильме, а вот как отнеслась к «9 роте» ваша мама Ирина Константиновна? Когда вы снялись в «Даун Хаусе» Романа Качанова, а мы с ней оказались в одном жюри, она на меня прямо накинулась: «Как вы можете защищать это безобразие, вместо того чтобы надавать этим мальчишкам-хулиганам по первое число?!»**

— Да, она очень жесткий критик. Мне от нее тоже досталось на орехи (смеется). А про «9 роту» она сказала «Ничего», и я понял, что все нормально. Просто не принято у нас в семье друг друга хвалить. И еще мать сказала, прочитав какое-то мое интервью: «Ты чего оправдываешься? Не надо!»

— **Оправдываться в самом деле не стоит, а вот объяснить... Что вы думаете о гибели своей девятой роты — напрасно она погибла или нет? Ведь можно рассудить так, что эти пацаны сами вызвали убивать афганцев и заслужили свое.**

— Я вам так скажу: на том же контрольно-сборочном пункте рядом со мной парень писал заявление в Афган. Я его спросил, зачем он это делает, ведь убьет же к чертовой матери. Он сказал: «Дурак, ни фига ты не понимаешь! В Афгане я вступаю в партию, возвращаюсь, получаю «двушку» в своем районе, прохожу без экзаменов в любой вуз плюс у меня «Жигули» шестая модель белого цвета плюс грудь в орденах и все бабы мои!». Я говорю: «А если вернешься без ног и без пиписьки — тогда как?». А ему хоть бы что. Не знаю, что с ним стало. Разные там были люди. Были вроде князя Андрея, которые мечтали о подвигах и славе, или вроде Раскольникова, которые себя спрашивали: «Тварь я дрожащая или право имею?». Или те, которых просто подначили: «А слабо тебе в Афган?». Когда тебе восемнадцать, ты же никогда не признаешься, что тебе страшно, а подашь заявление. Это когда тебе за тридцать, у тебя жена и двое детей, ты можешь плюнуть на любую подначку, залить сто граммов и пойти закатывать помидоры на зиму. А им было по 18–19 лет, лакомый возраст для любой государственной машины. Привести к присяге — и посылать, куда захочешь. Я сам был такой. Мы как-то во дворе рыли помойку, искали проволочку для пулек, нас поймала дворничиха и потребовала дать честное пионерское, что мы больше не будем. И я давал клятву, чувствуя, что если я нарушу это свое торжественное слово, то пусть меня постигнет... и все такое. Как я теперь могу дать им жесткую оценку?

— **Когда вы начинали свою деятельность клипмейкера, вам было 27. Теперь почти 39. Кажется, что внутренне вы с тех пор сильно изменились...**

— Наверно, так оно и есть. Когда-то я жил в стране, где официально считалось, что человек человеку — друг, товарищ и брат, верил в это и бесполезно отдал друзьям годы жизни. Наверное, так и должно было быть, но похмелье все же наступило, а вместе с ним изменились ценности — теперь у меня на первом месте семья.

Фото Анатолия МОРКОВКИНА